

Эдвард Бис
ВИНА

очерк заключенного

Эдвард Бис

Вина. Очерк заключенного

«Издательские решения»

Бис Э.

Вина. Очерк заключенного / Э. Бис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-839365-5

История приговоренного к смертной казни. Это не работа интервьюера или репортера, а взгляд самого осужденного на высшую меру наказания. Рассматриваются чувства и мысли смертников; психоз ожидающих казни; а также состояние уводимых на казнь. Раскрывается понимание того, что именно утаивается от общественности при процедурах казни.

ISBN 978-5-44-839365-5

© Бис Э.

© Издательские решения

Вина

Очерк заключенного

Эдвард Бис

© Эдвард Бис, 2017

ISBN 978-5-4483-9365-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Событие, которое я хотел бы рассмотреть, произошло в 2004 году. Если взглянуть на факты, то как будто давно: время разрушило не только блок №1, в котором я тогда содержался, но и отдалило меня от всех очевидцев того события на девять лет. Однако я склонен рассматривать время как понятие относительное и некоторым образом абстрактное, а потому не хотел бы приписывать давность произошедшему. К тому же моё индивидуальное восприятие совсем не ощущает давности; для меня всё так же живо, как увиденное и пережитое только вчера.

Бесспорно, я имел представление к тому времени как происходят смертные казни. Что-то я читал об исполнении приговоров в журналах, смотрел документальные съёмки экзекуции на электрическом стуле, видел также художественные фильмы с эпизодами человекоубийства-казни, в которых неплохо подчёркивалась трагическая сторона происходящего. Но всё же от меня не ускользало, что многое во всём этом не досказано, скрыто, либо наиграно режиссёрами. Я даже видел интервью со смертником за несколько часов до исполнения казни, где арестант лет тридцати с очень светлой кожей на лице и руках, по-видимому, долго не видевшей солнца, отвечал на вопросы.

«Как вы себя чувствуете?» – спрашивал интервьюер, подавшись вперёд и стараясь выразить соучастие как только можно.

Опрашиваемый сначала тряс головой, вяло жестикулировал неопределёнными сигналами, как будто подбирая ощущения, немного пробегая глазами по предметам и, вроде нащупав ответ, говорил: «Нормально», – и снова тряс головой, глядя уже на берущего интервью. Тот же, как учит психология, так же тряс головой в ответ, склонившись к нему, но оставаясь всё же на почтительном расстоянии.

«Да, да... я вас понимаю...» – говорил он всем своим видом. Но понимал ли он? Хрен с коромысло! Как можно понять ощущение убиваемого за несколько часов до казни?! Такое интервью с идиотскими вопросами, подобными: «Как вы себя чувствуете?» «А что по этому поводу думаете?» – вообще ничего не проясняло.

Мне лично не хватало чего-то, чего я и сам не знал, но без чего не складывалась целевая картина. Исполнитель казни, дававший интервью для печати, выражал свои мысли и чувства. В документальном кино отдавалось предпочтение фиксации технических моментов, в художественных же фильмах актёры хоть и играли роль очень хорошо, но выражали, по-моему, эмоциональное состояние казнённых и ожидающих своей очереди некоторым образом не так, как следовало бы. Возможно, в связи с этим у меня уже на воле сложилось понимание, что в массах наличествует искажённое представление о процедурах казни, её назначении и её целях. Я же находился в массах и без какого-либо энтузиазма хотел знать соль. Не то чтобы я стремился к этому, а так... помню, раз закралась мыслишка: «Как там, на самом-то деле? Почему? Зачем?»

Повторюсь, я не стремился к таким знаниям, но, по всей видимости, допустил более значительную ошибку, приведшую меня в death row: я зарекался от тюрьмы. Оказавшись же

в рядах смертников, я, как и большинство осуждённых, признал главное, что представлял ранее что угодно, но не то, не так и не таким образом.

Во-первых, как и я сам, многие воображали одиночные камеры либо двушки. Во-вторых, никто не допускал, что смертников может быть такое количество! В-третьих, условия содержания в категории и стандарты не вписывались. Но здесь я отступлюсь, да простит мне уважаемый читатель, описывать бытовуху не буду. Не сумею. Боюсь, не осилю. Да и свербит от воспоминаний такого, что, разговаривая иногда между собой, мы единогласно признавали главное: описать или рассказать всё в нюансах невероятно сложно, но если кому-нибудь всё же удастся это сделать, то ему, скорее всего, не поверят.

О нет, в этом нет ничего ужасного, абсолютно ничего. Там где люди – всё по-людски. Но теснота, в которой одновременно оказываются сотни осуждённых, меняет не только психику, но и само отношение к быту, и это вот отношение достойно обитателей дома умалишённых, а не здоровых людей. А именно, когда прибывает новенький, то хоть и не сразу, но *влезает*, что рассуждать ему надо с теми людьми как *тугому*, иначе не поймут, а поступать в тех условиях как чокнутому, иначе не одобрят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.